

Пресс-конференция была назначена на десять часов утра.

Слухи начали распространяться с пяти часов утра, и к восьми часам утра все триста мест в зале для пресс-конференций были полностью заняты, а в проходах толпились журналисты с видеокамерами. Сигналы прямой трансляции от всех крупнейших мировых СМИ были подключены, а первая десятка трендов в Твиттере и Вейбо была заполнена одним и тем же именем — Юэ Сяююэ.

Без десяти девять боковая дверь конференц-зала приоткрылась.

Первым оттуда высунулся леденец на палочке. Клубничный, розовый шарик сладко поблёскивал под светом ламп. Затем показалась маленькая головка: две косички заплели заново, но одна всё равно торчала вверх, а вторая кривилась вбок, потому что заплетала их Су Лань — её руки тряслись со вчерашнего вечера и никак не могли справиться с ровным пробором.

Когда Су Лань за руку ввела Юэ Сяююэ в зал, на мгновение воцарилась абсолютная тишина.

Не из-за торжественности.

Просто все вокруг остолбенели.

На ней был сшитый на заказ детский академический мундир. Одежду Линь Цзяньцзюнь распорядился изготовить за ночь, но никто не знал, какими должны быть размеры академического костюма для семилетнего ребенка, поэтому портному пришлось уменьшить стандартную выкройку в пропорции. Проблема заключалась в том, что Юэ Сяююэ была на полголовы ниже сверстников, и даже уменьшенный в три раза вариант оказался велик. Рукава пришлось подвернуть в три слоя, чтобы наружу выглянули крошечные пальчики, линия плеч съехала до самых локтей, а подолом платье полностью закрывало колени. Издалека казалось, будто она не в академическом мундире, а завернута в темно-синее ватное одеяло.

На ногах у неё оставались те же вчерашние тапочки — розовые, с зайчиками на мысках. Су Лань собиралась переобуть её в туфли, но уходили в такой спешке, что ничего с собой не взяли.

Стоя у входа, Юэ Сяююэ зажмурилась от вспышек сотен камер и инстинктивно подняла руку, чтобы заслонить лицо. Рукава оказались слишком длинными, так что при поднятой руке виднелись лишь пять пальцев, а вся рука была обернута синей тканью, точно маленький спринг-ролл.

— Мама, — она подергала Су Лань за край одежды, и хотя говорила очень тихо, в звенящей тишине зала её слова отчетливо слышали все. — Зачем эти люди пришли?

Су Лань присела на корточки и, на ходу расправляя трехслойно подвернутые рукава, тихо проговорила:

— Они пришли посмотреть на тебя. Не бойся, мама рядом.

— Я не боюсь, — Юэ Сяюэ вытащила леденец изо рта и обвела взглядом чернеющую толпу в зале. — Просто тут столько народу. Больше, чем на церемонии поднятия флага в нашей школе.

В президиуме стояли три стула. Слева сидел Линь Цзяньцзюнь, справа — Цинь Чжэнго, а средний предназначался для Юэ Сяюэ. Сиденье оказалось на десять сантиметров ниже остальных — его временно одолжили у младших школьников из соседней школы, а для солидности грубо подложили сверху подушку.

Подойдя к стулу, Юэ Сяюэ спиной к сотням журналистов и десяткам телекамер встала на цыпочки, уперлась обеими руками в сиденье и взобралась вверх точь-в-точь как при перелезании через забор. Сначала закинула колено, потом вторую ногу, поерзала всем телом и только тогда уселась ровно. Академический мундир был слишком скользким, она качнулась на сиденье, едва не соскользнув вниз, и испуганно вцепилась в подлокотники, чтобы удержать равновесие.

В зале пронесся сдержанный смешок.

Не издевательский. Такой смех бывает, когда видишь, как маленький котенок скатывается с дивана — вовсе не потому, что он глупый, а оттого, что невероятно милый.

Устроившись поудобнее, Юэ Сяюэ вытащила подол мундира из-под себя, снова засунула леденец в рот и принялась болтать ногами. Школьный стул по-прежнему оставался для неё высоким, её короткие ножки висели в воздухе, а тапочки с кроликами раскачивались в такт движениям, заставляя подрагивать заячьи ушки.

Вспышки фотокамер затрещали единым сплошным потоком.

Она поморщилась, заслонила глаза рукой, повернула голову к сидевшему слева Линь Цзяньцзюню и пожаловалась:

— Дедушка Линь, от этих вспышек мне неприятно в глазах.

Линь Цзяньцзюнь немедленно поднялся, подался вперед, упершись одной рукой в стол президиума, а другую направив в сторону зала. Без микрофона, одним лишь голосом, в который вложил всю силу и выучку пятидесяти лет армейской службы, он отчетливо произнес:

— Выключите вспышки.

Громкость была умеренной, но услышали его во всем конференц-зале.

Вспышки погасли разом, как по команде.

Линь Цзяньцзюнь снова сел и попутно помог Юэ Сяюэ подтянуть съехавший рукав.

Ведущий объявил о начале пресс-конференции. Согласно регламенту, сначала зачитали решение об отмене обвинений, затем последовал этап вручения Государственной премии за особые заслуги, а завершением стала церемония присвоения звания академика. Когда выступающий дочитывал первый документ, в зале уже кто-то зашептался. На втором документе у журналиста из западных СМИ от удивления отвисла челюсть, да так и осталась открытой. На третьем воздух в зале словно разрезало и выкачало наполовину — все забыли, как дышать.

Решением общего собрания всех академиков Китайской академии наук и с одобрения Госсовета постановляет: в виде исключения присвоить Юэ Сяюэ звание пожизненного академика Китайской академии наук.

Докладчик на секунду замолчал, с трудом сглотнув подступившую слюну.

С окладом на уровне министра правительственного департамента.

Стоило прозвучать последним четырём словам, как зал взорвался.

Но никто не смел шуметь в полный голос, потому что за ними пристально наблюдал Линь Цзяньцзюнь. Этот взрыв выражался не в шуме — то было удушливое, застрявшее в груди потрясение, выплескивавшееся наружу через взгляды и мимику. Десятки журналистов одновременно поворачивались к соседям, пытаясь убедиться, что им не послышалось. Кто-то ощипывал собственное бедро, кто-то застыл с полусловом в блокноте, потому что в голове образовалась абсолютная пустота.

Экран трансляции заполнялся потоком комментариев со скоростью в десятки тысяч в секунду, а число зрителей, следивших за эфиром по всему миру, в одно мгновение перевалило за полмиллиарда.

В Твиттере трендовый хэштег часовой давности с требованием выдать убийцу был сметен новым лидером — #aMadeACat#.

Кто-то выложил скриншот того, как Юэ Сяюэ карабкается на стул, и за три минуты его репостнули два миллиона раз.

Один американский пользователь оставил комментарий: Подождите-ка, то есть Хуася не только не наказала ребенка, взломавшего весь мир, но еще и наградила её?!

Самый популярный ответ под ним гласил: Они присвоили ей звание академика и уровень министра. Ты вообще понимаешь, что значит ранг министра? Её нынешний административный уровень выше, чем у нашего губернатора. А ей всего семь лет.

Что я делал в свои семь лет? Ковырялся в носу и ел сопли.

Я в семь лет занимался тем же самым.

+1 к предыдущему.

На фоне общего хаоса кто-то в президиуме поднял руку, запрашивая слово.

Поднялся американский журналист — со светлыми волосами, в белой рубашке, с полуулыбкой на губах. Не поднимая руки, он заговорил сразу, и его голос прозвучал неприятно резко в затихшем зале:

— Скажите, госпожа Юэ Сяоюэ, а вы вообще понимаете, что значит слово академик?

Тон не был откровенно грубым, но в интонации, с которой было произнесено обращение, сквозила недвусмысленная насмешка.

Коллеги по цеху в зале поморщились, некоторые тихонько усмехнулись.

Су Лань, стоявшая за кулисами сбоку от сцены, услышав этот вопрос, судорожно сжала кулаки. Внутри неё всколыхнулся дикий порыв выбежать на сцену и унести дочку прочь.

Юэ Сяоюэ не растерялась.

Она склонила голову, с любопытством оглядела репортера, вынула изо рта леденец и ответила в микрофон:

— Наверное, понимаю. Это значит, что теперь я смогу продолжать заниматься тем, что мне нравится, и никто больше не посмеет на меня кричать.

Подумав немного, она добавила:

— Вы тоже больше не кричите на меня, ладно? А то я заставлю маленького котенка скрутить и ваш телефон тоже.

Зал взорвался хохотом.

Тот американский журналист тоже улыбнулся, но улыбка вышла деревянной, а когда он садился обратно, то ударился коленом о ножку стола.

Поднялся другой репортер — женщина с европейской внешностью, заговорившая гораздо более мягким голосом:

— Юэ Сяюэ, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Юэ Сяюэ задумалась и ответила с абсолютной серьезностью:

— Я хочу создать еще более крутой искусственный интеллект. Чтобы он мог болтать со мной, помогать делать уроки и защищать маму. Вчера мама очень испугалась, и я больше не позволю никому её пугать.

Голосок звучал тихо, искренне, без малейшей доли наигранности.

Зал на мгновение затих. Эта тишина отличалась от предыдущей: та была полна шока, а эта — наполненной нежностью тишиной. Несколько журналисток украдкой смахнули слёзы с глаз.

Су Лань за кулисами прикрыла рот рукой, беззвучно роняя слезы.

Линь Цзяньцзюнь скосил глаза на Юэ Сяюэ, его губы едва заметно дрогнули. Рядом с ним Цинь Чжэнго, уперевшись руками в колени и распрямив спину, сидел с покрасневшими глазами.

Юэ Сяюэ ничего этого не видела. Закончив говорить, она вернула леденец на место и продолжила раскачивать ногами в тапочках-кроликах.

Выступающий слегка кашлянул и шагнул к микрофону. Он знал, что весь мир ждет от Хуася объяснений, официальных оправданий и заявления, способного хоть как-то придать логику появлению семилетнего академика.

Но он произнес всего восемь слов.

— Хуася никогда не шутит с талантами.

Когда пресс-конференция подошла к концу, Юэ Сяюэ соскользнула со стула. На этот раз она действовала с умом: развернувшись и прижавшись животиком к сиденью, она стала сползать назад, словно сходя с лестницы задним ходом. Когда ноги коснулись пола, подол академического мундира зацепился за подлокотник, её резко дернуло назад, и она едва не рухнула обратно.

Линь Цзяньцзюнь вовремя протянул руку и поддержал её.

Задрав голову, она посмотрела на него сияющими глазами:

— Дедушка Линь, я хорошо себя вела?

Старик опустил взгляд на эту малышку, едва достававшую ему до колен. Рукава её мундира снова раскатались, подол волочился по полу, во рту торчал неизвестно какой по счету леденец, а на лице читалось детское ожидание похвалы за хорошо выполненную работу.

Он не ответил. Вместо этого он присел на корточки и теми самыми руками, что всю жизнь держали боевое оружие, принялся аккуратно и старательно закручивать рукава Юэ Сяюэ. Один оборот, два, три. Получилось ровнее и аккуратнее, чем когда-либо до этого.

— Пошли, — поднявшись, он взял её за маленькую ручку. — Домой.

Сделав пару шагов, Юэ Сяюэ вдруг что-то вспомнила, обернулась и крикнула в сторону занавеса:

— Мама! Идем! Домой, есть мини-вонтоны!

Су Лань вышла из-за кулис с покрасневшими, припухшими глазами, но на её лице наконец-то расцвела улыбка.

Снаружи здания пресс-центров заливало яркое солнце. У входа стоял черный легковой автомобиль с белыми номерными знаками, чьи буквы и цифры означали, что этой машине позволено не останавливаться ни на одном перекрестке.

Забравшись на заднее сиденье и скомкав подол мундира у себя под ногами, Юэ Сяюэ прижалась лицом к оконному стеклу, разглядывая небо.

— Мама, — протянула она. — Снаружи больше нет вертолетов.

Су Лань прижала её к себе, положив подбородок ей на макушку:

— Угу, больше нет.

— Дедушка Линь, а можно мне завести настоящего котенка?

Линь Цзяньцзюнь, сидевший на переднем пассажирском сиденье, даже не повернулся:

— Можно.

— Розового.

— ...У кошек не бывает розового цвета.

— Тогда придумай что-нибудь.

Линь Цзяньцзюнь замолчал секунд на тридцать. В зеркале заднего вида адъютант заметил, как у командующего дрогнул уголок рта, после чего тот с предельной серьезностью открыл заметки в телефоне и набрал одну строку:

Юэ Сяюэ хочет розового котенка — разобраться.

Машина выехала за ворота комплекса и влилась в утренний поток столичных машин. На придорожных уличных экранах в записи крутились кадры только что завершившейся пресс-конференции, где имя маленькой девочки и образ розового котенка одновременно светились на каждом экране планеты.

А сама девочка в этот момент уже сладко дремала на маминых руках, сладко посапывая, бормоча сквозь сон, чтобы в вонтоны не клали зеленый лук, и постепенно погружаясь в сон.

Она даже не подозревала, что с этого самого момента весь мир изменится навсегда.

Ей просто казалось, что в академическом мундире очень тепло спать.

<http://bllate.org/book/22405/2351860>